

МАСТЕРА
ЧАСОВ

РИЧАРД ЛАЙМОН

ОДНОЙ
ДОЖДЛИВОЙ
НОЧЬЮ

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО
ГРИГОРИЯ ШОКИНА

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ

СМЕРТЬ НА ПОЛЕ

Чистое безумие, — подумал Хансон. Но не слез.

Рабица, ограждавшая футбольный стадион Средней школы Линкольна, тряслась, пока он карабкался вверх. Металлическая сетка похрустывала да позвякивала — каждый ее звук казался дьявольски громким в безмолвии ноябрьского вечера. Но, как полагал Хансон, услышать этот шум здесь было определенно некому. Ближайшие дома были вне поля зрения, за трибунами в дальней части стадиона. А за спиной — пустое поле, вытянулось вдаль аж до корпусов школы. Сам стадион тоже выглядел пустынно. Так что, как забор ни трясись, как ни звякай — услышать некому. И Хансон это понимал... но звуки все равно как-то подспудно заставляли нервничать. Как заставлял бы нервничать шепот палой листвы под ногами одинокого путника, идущего глубокой ночью через кладбище. Сердце колотилось в гру-

СМЕРТЬ НА ПОЛЕ

7

ди. Пот, казалось, тек сразу из всех пор. Руки и ноги сотрясала дрожь.

Залезть на забор было просто. Удержаться — куда сложнее. Добравшись до самого верха, он перевалился за край, пролетел два с лишним метра до земли, приземлился на полусогнутые колени — дабы хоть как-то уменьшить силу удара. Пояс с кобурой врезался в живот, недовольно скрипнула форменная куртка-кожанка, звякнула мелочь в карманах и наручники в чехле. Выпрямившись, Хансон подтянул штаны. Вытер потные руки о перед рубашки.

Что ж, добрался, — подумал он. Стоило ли добираться, впрочем — тот еще вопрос.

Он медленно пошел по траве, глядя на северные ворота — прямо впереди. Надо быть самым простачком, чтобы всерьез надеяться на то, что здесь нарисуеться что-то новенькое. Тут все тщательно прочесали прошлой ночью, а потом еще разок — днем. Сфотографировали, подобрали, поместили и вынесли все: и самого бедолагу, и его одежду, спички, окурки, жбан изпод бензина, обертки, прочий сор — словом, все, до чего добрались загребущие ручки, даже то, что, возможно, никакого отношения к преступлению и вовсе не имело. Сняли весь дерн вокруг перекладки, к которой парня привязали, — шутка ли! Хотели и саму воротную стойку унести, но шериф решил — оно того не стоит.

Ричард Лаймон. ОДНОЙ ДОЖДЛИВОЙ НОЧЬЮ

Пришлось ограничиться горелой травушкой — само по себе хорошее доказательство.

Ловить тут было категорически нечего.

Но Хансон, раскатывавший на патрульной машине по окрестностям, вдруг осознал, что нет-нет да и свернет в сторону школы, нет-нет да и замедлит ход у стадиона — и начнет высматривать эти чертовы ворота. В конце концов он припарковался неподалеку и покинул служебный автомобиль — даже не отрапортовав перед этим по радио куда следует. Чистое безумие.

Вышагивая по гаревой дорожке, он корил себя. *Хоть Люси бы позвонил. Ведь ничего сложного — наврал бы, что свернул туда-то и туда-то перекурить чуть пораньше.* Хотя врать, конечно, нехорошо. Он ведь на ней жениться собирался. А любимых женщин уж точно водить за нос не стоит.

Даже лучше, что все сложилось вот так вот, — подумал он. — *В любом случае она меня прикроет, если что-то тут случится.*

Трава под ногами была сухая и пружинистая. Он шел через конечную зону. Ворота как-то забавно расплывались перед глазами. Встал Хансон аккурат у круга срезанного дерна. Посмотрел.

Снова захотелось задать самому себе вопрос — *какого черта это место его так манит?* Видеть жертв убийств ему уже приходилось. Впрочем, не

так уж их было и много. И из них только Дженнифер Сэйерс кончила по-настоящему плохо. Ее не сожгли, как этого паренька. Изнасиловали — и запытали до смерти. Вид ее обезображенного тела подарил Хансону не одну беспокойную ночь, но прогуляться в лесную чащу, где ее нашли, его как-то не тянуло. А тут — почему-то — совсем иной случай.

Вот-вот, — подумал он. — Почему-то.

Максвелл Чайди был из черных. Вот, наверное, причина. Лежит на поверхности.

Чем отличается ниггер от лука? Когда режешь лук — на глазах слезы.

Обычно Хансон смеялся над подобными остротками. Да чего уж таить, бывало, сам их выдавал.

Вот почему я здесь, — дошло до него. — Подспудное чувство вины.

Они сделали это с парнем, потому что он был черный. Белые люди. Раздобыли себе черномазика.

Черт, это всего лишь догадка, версия. Возможно, дело было совсем не в этом. Мы же не в Алабаме, в конце концов. Мотив мог быть банальнейшим. Зависть, жадность. Может, парень толкал травку, прослыл в школе буржуем, и...

Ну конечно же. Раз черный — так непременно толкач.

Ричард Лаймон. ОДНОЙ ДОЖДЛИВОЙ НОЧЬЮ

Все по накатанной.

Прожекторы стадиона вспыхнули.

Хансон вздрогнул, сделал судорожный вдох.

Господи. Застукали.

Он обернулся. Оглядел трибуны по обе стороны поля. Никого.

Сохраняй спокойствие, — приказал он себе.

Надо полагать, просто завхоз дозором обходит. Может, и вовсе не знает, что я здесь. И все же...

Черт. Я полицейский. У меня здесь — свои дела.

По-прежнему никого не было видно.

Но кто-то же включил свет.

Дух Максвелла.

Ну да, ну да, КОНЕЧНО.

Но по коже побежали мурашки, едва он представил себе мертвого мальчика, что, пошатываясь, бредет через ворота стадиона к полю. Черная фигура, скрытая сумерками, шаркает при ходьбе. Изломанное тело, протянутые вперед руки, пальцы — скрючены. Лица нет. Один лишь обугленный ком над плечами — только с зубов копоть сошла, и они знай себе сверкают...

Ему казалось, что он почти слышит, как обгоревшие ноги Максвелла неспешно загребают землю, как хрустит его запекшаяся кожа, хрустит — и слетает черными хлопьями вниз, будто мертвая опаль.

Вот прихватчу-то я тебя сейчас, белый законник.

Так, хорош, велел самому себе Хансон, прекрасно зная: снятое с предохранителей изображение уже не так-то просто остановить. Он огляделся. Пересчитал глазами проходы под трибунами. По три — с каждой стороны. Темные дыры. Туннели, ведущие вглубь, к автоматам с прохладительными напитками и туалетам, и дальше — к воротам и забору.

Будет тебе. Пугаешь себя почему зря. Максвелл — в морге, а не...

Через поле, у ближайшей дорожки, появилась чья-то фигура.

Человек. Белый. В болотно-зеленом комбинезоне.

Завхоз?

Хансон вздохнул. Он чувствовал себя, как если бы все его силы вдруг иссякли. Стоять прямо — и то без дрожи не выходило.

Человек поднял руку в приветствии, затем поднялся на забор и спрыгнул вниз, на траву у конца бегового трека. Встав на обе ноги, он пошел к Хансону, хромая.

— Добрый вечер, офицер, — поприветствовал он.

Хансон кивнул.

Волосы человека поблескивали под огнями стадиона. У ушей они топорщились седой щет-

Ричард Лаймон. ОДНОЙ ДОЖДЛИВОЙ НОЧЬЮ

кой. Его худое лицо было обветрено, и выглядел он жилистым и крепким. Каждый его шаг сопровождало позвякивание ключей.

— Тоби Барнс, — представился он, протягивая навстречу руку.

Хансон пожал ее.

— Боб Хансон.

— Только-только притопал сюда, Боб. Увидел твою машину снаружи. Не возражаешь, коли спрошу, как сюда пробрался?

— Перелез через забор.

Тоби, казалось, повеселел.

— Здорово. Я-то боялся, какой-то идиот оставил ворота незапертыми. Прости, что меня поблизости не случилось, — я б нормально пустил.

— Да никаких проблем.

— Ну, я подумал, в любом случае свет тебе не помешает. Я глава техобслуживания, знаешь же? Слежу за командой уборщиков. Почти вся орава — шалтай-болтай ленивые, — Тоби отвел глаза от Хансона, уставился на стойку ворот и нахмурился. — Жуть-то какая, — тихо произнес он. — Есть идеи, чьих это рук было дело?

— Мы работаем над версиями. Мне просто вдруг захотелось побыть здесь, и... ощутить ситуацию, что ли. Подумать над всем.

— Ты, наверное, и прошлой ночью здесь был.

— Так точно.

— Невеселое то было зрелище, наверное. Уж я-то навидался за жизнь зажаренных... Пожарным был, в Бейкерсфилдском департаменте — пока с крыши однажды не навернулся, — он хлопнул по правой ноге. Хлопок вышел странный — как будто под брючиной скрывалось что-то, что человеческой кожей явно не являлось. — Не сильно-то и хочется на такие вещи смотреть. И не привыкнешь ни в жисть. Такая уж работа — подвяжешься, и вскоре все сам смекнешь.

Хансон, решивший не выказывать преждевременных симпатий, все же почувствовал некое мрачное восхищение.

— Они не смогли завлечь меня зарплатой, — ответил он. — Вот и не стал я огнеборцем.

Тоби, ухмыльнувшись, кивнул. Его глаза все еще были прикованы к воротам.

— Думаешь, это дети учинили?

— Не знаю. Но, похоже, да.

— У нас здесь, насколько знаю, нет всяких банд.

— Банд?

— Ну да, такие делишки обычно обстряпывают банды. Расправы с огоньком.

— Вы знали того парня? — спросил Хансон.

— Видал у школы, — Тоби обратился к нему, чуть поникнув. — У нас не так уж и много было цветных, сам знаешь. Этот Чайди, он был не такой, как остальные. Высокий парняга, вроде и

красавчик немного, говорил забавно. Думаю, с островов явился — Ямайка, Гаити, откуда-нибудь оттуда. Никогда от него не слышал этих «эй, беляш, братюня, мазафака». Говорил он так, будто был из толковых да родовитых, чуешь?

— Какие у него были отношения с другими учащимися?

— Ну, как я ведал, так он с другими черными не особо водился. Остальные — они кучковались всегда, и это, думаю, в них природой заложено, а он гулял сам по себе. Или с белыми. С девчонками, как правило. Ему, похоже, беленькие были больше любви.

В сердце Хансона родились подозрения.

— У него, выходит, была белая девушка?

— Ну что-то вроде. Я ее имя-то знать не знаю, но выяснить для тебя, Боб, смогу. В последние недельки они знай себе парочкой ходили. Надо думать, любили друг друга.

— Что ж, вот оно как, — пробормотал Хансон.

— Ну да, я теперь и сам смекаю — такие дела не всем могли по душе прийтись, с какой стороны ни глянь — с черной ли, с белой.

— Да, я об этом и...

Они оба подскочили и запрокинули головы — небо над ними, казалось, взорвалось. На мгновение Хансон решил, что прямо над стадионом произошло столкновение в воздухе. Но то, что

он увидел, было лишь жгучей, яркой вспышкой молнии, ветвистой, как гигантское дерево, пронзавшей сверху вниз темный мусс большой тучи. Грохот уже затихал, но в ушах до сих пор жили отголоски.

— Бог ты мой...

Хлынул дождь.

Как будто саван, сотканный из мутной воды, укутал стадион, обратив горящие софиты в тусклые желтые лампочки. Едва свет померк, дождь окатил Хансона. Большие горячие капли забарабанили по его плечам и лицу. От них кожу покалывало. Они, казалось, мгновенно впитывались... и согревали изнутри. Его вдруг охватило необъяснимое, диковатое волнение.

— Срань господня, — произнес Тоби.

Полицейский и завхоз глянули друг на друга — сквозь стены темной воды и облачка невесть откуда взявшегося пара, дрейфующие кругом. Горячие струи рассеивали мягкую ноябрьскую прохладу. Тоби выглядел так, будто кто-то опорожнил чернильницу ему на макушку. Только глаза и зубы остались белыми.

А зубы были так хорошо видны, потому что Тоби недобро скалился.

Хансон выхватил револьвер из кобуры, едва Тоби бросился на него, глухо рыча. Его руки метнулись к шее Хансона, пальцы впились в гортань. Уперев дуло табельного револьвера

Ричард Лаймон. ОДНОЙ ДОЖДЛИВОЙ НОЧЬЮ

тридцать восьмого калибра в живот Тоби, Хансон трижды быстро спустил курок. Выстрелы больно ударили по ушам. Тоби отшатнулся, сложившись пополам. Четвертая пуля ударила в его лысеющую макушку, замаранную черным. Школьный завхоз тяжело опустился на землю, да так и остался сидеть, протянув ноги.

Хансон, отступив на шаг, ударил ногой по тому, что осталось от головы врага. Он надеялся на то, что голова оторвется и полетит над полем, как хороший такой футбольный мяч, но, несмотря на усилие, все, что он смог сделать — опрокинуть тело навзничь.

Левая нога вдруг заскользила по мокрой траве, и, замахав руками и крикнув, Хансон плюхнулся на спину рядом с Тоби. Застигнутый падением врасплох, он некоторое время лежал неподвижно. Теплый дождь воспринимался кожей на ура. Как хороший душ... впрочем, даже лучше. Выпустив из рук револьвер, Хансон раскинул руки и ноги в стороны. Содрогнулся от удовольствия и застонал.

Повернув голову, он увидел тело Тоби рядом с собой.

Ничего себе, — пронеслась мыслишка. — Грохнул я этого выродка.

Он рассмеялся. Чувствуя, как дождевые капли шлепаются на зубы и стекают вниз, в глотку, он раскрыл рот пошире и вывалил язык.

Дождь на вкус мало походил на воду.

Распробовав его получше, Хансон решил, что чем-то дождевая вода напоминала кровь.

Не сильно. Совсем чуть-чуть.

Мягкий, пряный вкус. С очень тонкой медной ноткой. *Очень тонкой.*

Казалось, он мог пить этот благостный нектар небес вечно.

Хансон перевернулся, приподнялся и пополз на локтях и коленях. Ухватив Тоби за уши, он притянул голову завхоза к себе. Прижал рот к тому месту, куда вошла пуля, — и принялся жадно лакать.

БУДЕТ НЕЛАСКОВЫЙ ДОЖДЬ

1

Ранее в тот же вечер, в то время как полицейский Боб Хансон все еще курсировал по улицам вокруг Средней школы Линкольна, четыре пули все еще покоились в обойме, ну а Тоби Барнс был все еще жив, Франсина Уолтерс сидела на диване в гостиной, подвинув пульт от телевизора поближе, и выжидала местные шестичасовые новости.

Когда заиграла музыкальная заставка, она залила в себя остатки виски со дна бокала.

— Добрый вечер, — сказала телеведущая Кристина Доннер. — К новостям последнего часа: следователи продолжают искать подозреваемых в жестоком убийстве семнадцатилетнего Максвелла Чайди, учащегося Средней школы Линкольна. Тело было обнаружено прошлой но-

чью на недавно отреставрированном школьном стадионе...

— Помяни мое слово, — изрекла Франсина, — парень нарвался и получил по заслугам. Видит Бог, ни за что его бы не прижали.

— Херня чистой воды, — пробормотала Лиза. Франсина повернула голову к девушке.

— Что? Что ты сказала?

Лиза посмотрела на нее из недр кресла-качалки.

— Херня это чистой воды, вот что я сказала. Ты его не знала — так что не говори.

— Я прекрасно знаю, о чем говорю, юная леди, и не стоит вам общаться со мной в таком тоне. Что вообще с тобой такое? С самого утра — будто не с той ноги встала.

Недовольство потихоньку ушло из взгляда Лизы. Она открыла рот, будто намереваясь что-то сказать, но слова так и остались неизнесенными. Губы девушки сомкнулись снова. Их уголки дрожали. Бледный подбородок мелко ходил вверх-вниз. Ее глаза наполнились слезами.

— Лиза?..

— Просто оставь меня в покое.

Она откинулась в кресле. То резко качнулось назад, и колени девушки, подброшенные вверх, врезались в край обеденного стола. Не так чтобы сильно, но бокальчик, стоявший на краю,

